

2. Тиханович, Ю. Н. 350 великих. Краткое жизнеописание правителей и полководцев древности. Древний Восток; Древняя Греция; Древний Рим / Ю. Н. Тиханович. – Минск: Современное слово, 2005. – 479 с.

3. Чернявский, С. Митридат Великий, последний эллин / С. Чернявский. – М.: Ломоносовъ, 2016. – 224 с.

4. Норман, О. Третий рейх на наркотиках / О. Норманн. – М.: Эксмо, 2016. – 320 с.

УДК 343.97

БЕДНОСТЬ, БЕЗРАБОТИЦА, ФИНАНСОВЫЕ КРИЗИСЫ КАК ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ

Сердюк Павел Павлович

*доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника аналитического отдела подготовки прокуроров,
Тренинговый центр прокуроров Украины, ул. Юрия Ильенка, 81 б,
04050 Киев, Украина, pp_serduk@i.ua*

Аннотация. В статье представлены факты, которые являются основой для того, чтобы отойти от заблуждения, когда криминологи склонны видеть в несправедливом распределении ресурсов, статусов и заслуг центральный корень преступности. В статье показано, что истинное влияние социальных условий жизни большинства населения на состояние преступности изучено неважно, а взгляды на вопрос политизированы и не проходят должной верификации.

Ключевые слова: бедность, безработица, народонаселение, преступность, социальный статус, фактор, финансовый кризис.

POVERTY, UNEMPLOYMENT, FINANCIAL CRISES AS FACTORS OF CRIME

Pavel Serdiuk

*Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Analytical Department
for the Training of Prosecutors, Training Center for Prosecutors of Ukraine,
81 b Yuri Ilyenko Str., 04050 Kiev, Ukraine, pp_serduk@i.ua*

Abstract. The article presents facts that are the basis for moving away from the misconception when criminologists tend to see the unfair distribution of resources, statuses and merits as the central root of crime. The article shows that the true impact of the social living conditions of the majority of the population on the state of crime has not been studied well, and views on the issue are politicized and do not pass due verification.

Keywords: poverty, unemployment, population, crime, social status, factor, financial crisis.

Со времен писаного слова все кабинетные мыслители не преминули отметить, что бедность ведет ко многим порокам, включая преступ-

ность. Но учитывая прошлое и не в меньшей степени настоящее человечества, не следовало забывать, что теми же пороками отмечены и население с большими ресурсами. Логика таких рассуждений предельно проста: есть потребность при ограниченных возможностях энергетических затрат на ее удовлетворение – все средства хороши в духе животной природы – отобрать, украсть, выпросить, подобрать выброшенное. И криминологи прошлого всегда запросто видели в голых фактах лишь руку бедности как фактора преступности. Не изменилась эта картина и в наши дни.

В толще этого вопроса особенно интересно увидеть, как крупнейшие финансовые кризисы влияли на преступность в странах, которые эти кризисы переживали. Самые заметные мировые финансовые кризисы произошли с 1857 по 2012 гг., если не считать кризис начала 2020 г., связанного с рядом причин, прежде всего, вирусом COVID-19. В перечень государств-маркеров попали Соединённое Королевство, Россия, США, Южная Корея, на которых эти кризисы сказались, что не в последнюю очередь проявилось в увеличении количества безработных. В *таблице 1* представлены показатели краж в докризисный, кризисный и посткризисный периоды.

Таблица 1

Мировые финансовые кризисы и динамика краж

№	Мировой финансовый кризис	Страна	Годы	Докризисный, кризисный и посткризисный показатели краж
1	1914. Кризис, вызванный началом Первой мировой войны	Соединённое Королевство	1913	71 688
			1914	65 265
			1915	59 597
			1916	62 881
			1917	69 748
			1918	67 895
			1919	62 591
			1920	71 601
		Россия	1913	167 755
			1914	157 441
			1915	155 990
			1916	142 403
			1917*	–
			1918*	–
			1919*	–
1920	200 739			

Продолжение табл. 1

№	Мировой финансовый кризис	Страна	Годы	Докризисный, кризисный и посткризисный показатели краж
2	1929–33. Время Великой Депрессии	США	1928	77 982
			1929	80 732
			1930	86 733
			1931	113 040
			1932	116 555
			1933	122 576
			1934	120 446
			1935	122 672
			1936	112 090
3	1973. Снижение производственных мощностей в Европе и США в среднем на 20–30 %. На улицы были выброшены 15 млн безработных	Соединённое Королевство	1972	1 009 472
			1973	998 810
			1974	1 189 863
		США	1972	4 151 200
			1973	4 347 900
4	1987. «Черный понедельник». Падение индекса Доу-Джонса на 22,6 % в США	США	1986	7 257 200
			1987	7 499 900
			1988	7 705 900
			1989	7 872 400
			1990	7 945 700
5	1997. Азиатский кризис	Южная Корея	1996	69 701
			1997	81 917
			1998	89 604
			1999	84 473
			2000	166 796
		Южная Корея	2001	170 440
			2002	180 626
			2003	189 016
6	1998. Российский кризис	Россия	1997	1 054 000
			1998	1 143 400
			1999	1 413 800
7	2000–03. «Крах доткомов»	США	1999	6 957 400
			2000	6 971 590
			2001	7 092 267
			2002	7 052 922
			2003	7 026 802
			2004	6 947 685

Окончание табл. 1

№	Мировой финансовый кризис	Страна	Годы	Докризисный, кризисный и посткризисный показатели краж		
8	Мировой финансово-экономический кризис 2008–12 гг.	Соединённое Королевство	2007	2422 728		
			2008	2321 580		
			2009	2132 620		
			2010	2107 446		
			2011	2074 779		
			2012	1900 944		
			2013	1845 168		
		Россия	2007	1566 970		
			2008	1326 342		
			2009	1188 574		
			2010	1108 369		
			2011	1038 566		
			2012	992 238		
		США	2007	6568 572		
			2008	6588 873		
			2009	6327 230		
			2010	6185 867		
			2011	6159 795		
			2012	6150 598		
					2013	6004 453

* Сведения за эти годы по большей части отсутствуют, и хорошо представлены не по всей России, а только в крупных городах, например, таких, как г. Москва. Кроме того, с 1916 г. территория России начала уменьшаться, а посему данные за 1917–1919 гг. использовать было бы некорректно, даже, если бы они и были собраны в те годы.

Не запредельных усилий стоило увидеть, что в означенных странах финансовый кризис, выгнавший на улицу многих работников, и повлиявших на их семьи и связанные сферы экономики, не способствовал увеличению краж. А там, где такое увеличение происходило, оно не было существенным, и отвечало общей тенденции к увеличению, которая продлилась вследствие других условий и в посткризисный период. Это особенно ярко видно на примере времен Великой Депрессии в США, когда тенденция к увеличению количества преступлений сохранилась и после выхода из кризиса, а само количество краж увеличивалось незначительно на фоне увеличения численности населения. Но, конечно же, антураж воспетых в искусстве подвигов организован-

ной преступности того времени создает впечатление о беспросветной ситуации. Хотя в сегодняшней бытности этого государства ситуация с организованной преступностью куда плачевнее.

Криминолог Ральф Словенко – профессор Университета Уэйна (штат Мичиган, США), который был свидетелем тех времен, отмечал, что: «Во время Великой Депрессии улицы, дома, парки, и подземные переходы были безопасны, но в то же время профессора колледжей торговали яблоками на улице, а все американцы были раздавлены пугающими лишениями. Для миллионов безработных не существовало страховки от нее, и не было социальной защиты со стороны государства» [1, р. 12–13].

Отдельного внимания заслуживает видение того: почему в пору Первой мировой войны корыстная преступность в воюющих странах уменьшалась? Были разные попытки объяснить это. И лучшим социальным контролем в военное время, то есть более резкими правилами, регулирующими поведение граждан, и тем, что большая часть мужского населения из бедных слоев общества были мобилизованы в вооруженные силы. Но первое объяснение нельзя проверить эмпирически, ибо нужно исследование с контрольной группой. А второе не объясняет того, почему количество краж уменьшилось так не существенно, и даже начало расти в 1916 г. У кого-то – в середине этого года, а у кого-то – в конце года. Сам же 1916 г. был переломным для Первой мировой войны.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2012 гг. не вызвал бы особого внимания, если бы не объясняющие умозрения некоторых северо-американских криминологов, поясняющих нам, что сей кризис не повлиял на увеличение преступлений против собственности, потому что умножившееся число безработных, выросшее с 2,3 % в 2007 г. до 9,5 % к концу 2009 г., сталкивается с лучшей охраной своего имущества потенциальными жертвами квартирных краж. С какой стати эта охрана улучшилась? Да потому что стало больше безработных, сидящих дома [2, р. 5]. Эта теория, как и многие простодушные теории в англо-саксонской криминологии, вызывают несдержанную улыбку. Однако этим криминологам следовало бы знать, что сей процент безработных распределяется по месту проживания случайным образом, а паче то, что им следовало бы знать, что квартирные воры, даже начинающие, сначала изучают место своего преступления, и приходят туда тогда, когда знают, что хозяева отсутствуют дома. Что же до соседей, то всегда какая-либо старушка сидит дома, и американские воры приноровались к этому обстоятельству. Понятно, что даже начинающий вор сможет найти работающую жертву своего престу-

пления, которая будет большую часть светлого времени суток отсутствовать дома.

Вопрос бедности и безработицы представлен настолько всепоглощающим, что его редко подвергают должному анализу. Этот миф настолько проник в разум криминологов, что они умудряются в одном и том же труде строить противоречивые умозаключения. Утверждая, что большинство преступлений совершается бедняками не из-за того, что это так, а потому что состоятельные люди исключены из-под действия уголовной юстиции, и делают не меньше зла, в то же время говорят о том, что сокращение безработицы сократит население тюрем [3, р. 14–20]. В истории человечества, не так давно, было не одно государство, где безработица отсутствовала, и не найти оплачиваемую работу мог лишь тот, кто этого не хотел, но одновременно тюрьмы были переполнены, отнюдь не политическими преступниками, хотя и такие тоже были. Люди зарабатывали мало, но у них было бесплатное образование, бесплатная медицина, социальное жилье, хоть и худое, однако никто не ночевал в бумажных коробках на улице или под мостами. Все же преступность была, и она имела тенденцию к возрастанию с увеличением количества народонаселения.

Забавно, что представленные цифры никогда не являются достаточными доказательствами для уверовавших, у которых имеется свое видение проблемы. И действительно, марксист или неоконсерватор чаще всего наплюют на эмпирику, если она расходится с их взглядами на связь между финансово-экономическими кризисами и преступностью [4, р. 280–281].

Сейчас уже не удивляет тот факт, что появляются работы исследователей, которые очень далеки от понимания содержания того, что они изучают, учитывая то, что надлежащего научного рецензирования их работ, которое было, скажем, в советское время, увы, нет. Вот одно из таких, в котором на уровне диссертации утверждается о существовании связи между рядом факторов и преступностью. В формулу эконометрического анализа были включены такие показатели: прожиточный минимум, уровень бедности, среднедушевые доходы, естественный прирост населения, уровень занятости трудовых ресурсов, уровень регистрируемой безработицы, миграционный прирост, численность работников, перед которыми организация имеет просроченную задолженность по заработной плате, объем платных услуг населению, число зарегистрированных преступлений (*таблица 2*).

Это тот пример, когда корреляционные регрессии в эконометрике используют в криминологии без оглядки на суть вопроса. Можно видеть в *таблице 2* выделенные красным тоном показатели, которые

Таблица 2

Социально-экономические показатели в России за 2008–2017 гг.

год	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8	x_9	y
2008	4593	19,000	14863,6	-362 007	68 397	4697,0	242 106	322 994	4 079 603	3 209 862
2009	5153	18,400	16895,0	-248 856	67 418	6283,7	247 449	164 449	4 504 455	2 994 820
2010	5688	17,700	18958,4	-239 568	67 493	5544,2	158 078	110 516	4 943 482	2 628 799
2011	6369	17,900	20780,0	-129 091	67 644	4922,4	319 761	68 760	5 540 654	2 404 807
2012	6510	15,400	23221,1	-4251	67 968	4130,7	294 930	53 088	6 036 839	2 302 168
2013	7306	15,500	25928,2	24 013	67 901	4137,4	295 859	54 277	6 927 482	2 206 249
2014	8050	16,100	27766,6	30 336	67 813	3889,4	299 990	370	7 467 521	2 190 578
2015	9701	19,500	30466,6	32 038	68 389	4263,9	245 384	463	8 050 808	2 388 476
2016	9828	19,500	30747,0	-2286	72 425	4243,5	261 948	347	8 636 277	2 160 063
2017	10 088	19,300	31477,4	-135 818	72 065	3966,5	-1871	327	92 114 412	2 058 476

где:

 x_1 – прожиточный минимум (руб./чел.); x_2 – уровень бедности (тыс. чел.); x_3 – средние душевые доходы (руб./чел.); x_4 – естественный прирост (чел.); x_5 – уровень занятости трудовых ресурсов (тыс. чел.); x_6 – уровень регистрируемой безработицы (тыс. чел.); x_7 – миграционный прирост (чел.); x_8 – численность работников, перед которыми организация имеет просроченную задолженность по заработной плате (млн руб.); x_9 – объем платных услуг населению (млн руб.); y – число зарегистрированных преступлений [5, с. 36, 169].

весьма близки с соседними по столбцу показателями. Их несущественные колебания, например, в увеличении уровня бедности на 0,7 % якобы приводило к уменьшению преступности на 4,2 %, именно уменьшению. Или же нулевые изменения в уровне бедности приводили к уменьшению преступности на 9,6 %. Это можно сказать и о среднедушевых доходах, когда их увеличение произошло на 0,91 %, а уменьшение преступности на 9,6 % при неизменном уровне бедности. То же касается и уровня занятости трудовых ресурсов, когда незначительное уменьшение оной сопровождалось довольно значительным уменьшением преступности. Точно то же относится и к колебаниям уровня безработицы и миграционного прироста. Колебания же прироста вообще здесь ни к чему, поскольку показатель, выражающийся в разнице рожденных и умерших, никак не должен влиять на преступность, ибо новорожденные ничего не могут, а старики, коих большинство среди умерших, очень редко совершают преступления. Сглаживание колебаний за счет самого математического метода вносит сумятицу, и этот метод неприменим для того, чтобы объяснить эти колебания. Все сброшено в одну ступку и тщательно перемешано математическим венчиком. Велико искушение озвучить аргумент, мол-де, здесь наблюдается синергетический эффект от всех показателей. Ну что же, уверяю, если добавить сюда еще любые иные показатели, вплоть до динамики выполнения нормативов по физкультуре толстыми детьми в школах, результат будет схожим.

Исследование шведского криминолога, но, к сожалению, не его выводы, говорят о том, что социальный статус тоже мало влияет на преступную активность (*таблица 3*). В частности, он заключает о том, что материальная нужда, алкогольная политика в обществе, ограничения в доступе к товарам широкого потребления, представляют собой движущие факторы для преступности. Однако же исследователь, очевидно, принимая все-таки во внимание наличные цифры, оставляет лазейку, говоря о том, что эти факторы имеют большее или меньшее значение в зависимости от политической, экономической и культурной программы общества или общественной формации [6, с. 161, 191]. Иными словами, он, как это приятно в западной науке, желает объяснить явление устоявшимися представлениями, и толкует о том, что одни и те же факторы, но в разных руках, могут положительно, нейтрально или отрицательно повлиять на преступность. Всматриваясь в конкретные цифры в *таблице 3* можно заметить, что преступность представителей различных социальных слоев находится в пределах размеров этих социальных слоев, и соответствует законам вероятности. И есть три исключения – предприниматели, работники села и промышленные

работники. Они соответственно в общей структуре населения составляли 6,9 %, 4,1 %, 34 %, а среди преступников – 9,4 %, 5,2 %, 48 %. Можно заметить, что рабочие составляют самую криминально активную часть населения. Но сельскохозяйственные рабочие, рабочие лесной и рыбной и другой промышленности наиболее подвержены пьянству по сравнению со всеми другими группами населения, среди которых есть действительно материально нуждающиеся. Что же до предпринимателей, то в Королевстве Швеция традиционно высокая экономическая преступность бизнеса, в первую очередь из-за уголовной политики государства, когда многие нарушения в сфере предпринимательства отнесены к сфере уголовного законодательства, посему эта «преступность» во многом искусственна.

Таблица 3

Доля (%) различных социальных групп в структуре мужского населения, состоящего на криминальном учете в Королевстве Швеция в 1968 г.

Страта/социальный статус	Удельный вес в составе мужского населения	Среди мужчин, состоящих на криминальном учете
Землевладельцы	4	0,7
Предприниматели	6,9	9,4
Цеховые мастера	4,3	4,5
Канторский персонал	9,5	8,3
Служащие государственных предприятий	4,1	1,8
Гимназисты	3,1	0,4
Мелкие земледельцы, с/х рабочие, рыбаки, рабочие лесной промышленности	4,1	5,2
Промышленные рабочие	34	48
Рабочие госпредприятий	5,9	3,3
Учащиеся школ	4	1,1
Пенсионеры	6,6	6,8

В целом, отношение к материальной обеспеченности и занятости, как к анти-криминогенному фактору, или же к материальной необеспеченности и малой занятости, как к криминогенному фактору, высказываемое криминологами, зиждется на непонимании количественных процессов, которые заложены в основании преступности.

Серийные исследовательские потуги западных криминологов, направленные различными идеологическими специями, от марксизма

до позитивизма, тоже не особо увенчались успехом в плане отыскания корреляции между социально-экономическим статусом человека и его склонностью к совершению преступлений. Всего в 20 % случаев наблюдали такую связь. Но раз это только 20 %, то можно ли говорить о наличии связи? В западной криминологии возможны различные диכוинки. И это на том фоне, что в отдельных исследованиях отмечали, что среди черных такое влияние более заметно, чем среди белых, а вот для женщин и мужчин не нашли никакой роли [7, p. 118–120].

Совершенно очевидно, что мертоновская гипотеза о том, что уровень преступности будет выше в низших малоимущих классах/стратах, так как они будут вынуждены чаще использовать незаконные средства для достижения своих целей, ошибочна, а промах кроется в том, что она не учитывает, что малоимущие слои общества всегда многочисленнее, а посему из их толщи будет выходить большее количество преступников по количественным законам. Указанные же выше данные подтверждают такой тезис.

Список цитированных источников

1. *Tipp, Stacey L.* Causes of Crime: distinguishing between fact and opinion / S. L. Tipp, J. Buggey. – San Diego: Greenhaven Press, Inc., 1991. – 32 p.
2. *Finklea, K. M.* Economic Downturns and Crime / K. M. Finklea. – Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2009. – 15 p.
3. *Pepinsky, H. E.* Myths that cause crime H. E. Pepinsky, P. Jesilow. – Washington: Seven Locks Press, 1984. – 170 p.
4. *Zimring, F. E.* Crime, Justice, and the Savings and Loan Crisis / F. E. Zimring, G. Hawkins // Crime and Justice. – 1993. – Vol. 18: Beyond the Law. Crime in Complex Organizations. – P. 247–292.
5. *Бочкарёва, Е. В.* Криминализация современного российского общества: вопросы детерминации и самодетерминации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е. В. Бочкарёва; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – М., 2019. – 176 л.
6. *Там, Х.* Преступность и уровень жизни. Исследование данных о лицах 1892–1953 гг. рождения, внесенных в картотеку уголовной регистрации / Х. Там; пер. со шведск.; под общ. ред. д-ра юрид. наук В. П. Шупилова. – М.: «Прогресс», 1982. – 256 с.
7. *Tittle, C. R.* Specifying the SES/delinquency relationship. Crime and Criminals. Contemporary and Classic Readings in Criminology / C. R. Tittle, R. F. Meier. – New York–Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 114–124.

О СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ НОРМАЛЬНОСТИ

Хомич Владимир Михайлович

*доктор юридических наук, профессор, заведующий
информационно-методическим кабинетом, государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления законности
и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,
ул. Захарова, 76, 220088 Минск, Республика Беларусь, ul.khomich@tut.by*

Аннотация. С позиции последовательной интеграции верховенства права в систему уголовно-правового контроля преступности автором предпринята попытка социально-правового осмысления происходящих и необходимых изменений в содержательно-функциональных свойствах современного уголовного права – преступления, уголовной ответственности и вины как базовых социальных конструкций упрека и неизбежности уголовной ответственности за преступление. В условиях глобализации и социальных трансформаций происходит расширение социального поля безответственного поведения как человека, так и применения уголовного закона. Тем не менее, уголовное право не следует употреблять в качестве основного инструментария в противодействии преступности. В своей основе оно является насильственным, а поэтому, и небезопасным для человека, общества и самого государства, особенно когда доминирующими факторами ответственности и виновности становятся не обычные и понятные общие интересы людей, а нечто другое.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, уголовная ответственность, вина, субъективное вменение, уголовно-правовой контроль преступности, легитимация уголовного закона.

ON SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE CRIMINAL LAW IN THE CONTEXT OF CHANGING SOCIAL NORMALITY

Uladzimir Khomich

*Doctor of Law, Professor, Head of the Information and Methodological Office,
Scientific and Practical Center for Strengthening the Rule of Law and the Rule
of Law of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus,
76 Zaharova Ave., 220030 Minsk, Republic of Belarus, ul.khomich@tut.by*

Abstract. From the point of view of the consistent integration of the rule of law into the system of criminal law control of crime, the author attempts to make a socio-legal understanding of the ongoing and necessary changes in the content and functional properties of modern criminal law-crime, criminal responsibility and guilt, as the basic social structures of reproach and the inevitability of criminal